

А. А. ФЕТ: «...СУМАСШЕДШИЙ И НИКУДА НЕ ГОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК, ЛЕПЕЧУЩИЙ БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЗДОР»

В метафизической лирике Фета, которую в антропокосмическом отношении можно поставить в соответствие художественному миру Тютчева, человек заведомо меньше тотальности... И хотя герменевтическим ключом к его поэзии часто называется «интимно близкий Фету» А. Шопенгауэр¹, надо иметь в виду, что для последнего космос — это в конечном *аскетическом* итоге есть «макроантропос»², чего не скажешь о подобной тютчевскому холодному космизму фетовской тотальности, в которой человеческая жизнь уничтожается «без явного следа». В сравнении с шопенгауэровским доктринальным квиетизмом, пессимизм Фета, как кажется, иногда безысходен. Изнутри его мира космическое пространство смерти одерживает несомненную победу над земным временем жизни, о чем, например, свидетельствует великолепное стихотворение с характерным (*а-хронным!*) названием «Никогда», где описывается фантазмагорическая ситуация абсурдности посмертного воскрешения:

*Бегу. Сугробы. Мертвый лес торчит
Недвижными ветвями в глубь эфира,
Но ни следов, ни звуков. Все молчит...*

.....

*Куда идти, где некого обнять, -
Там, где в пространстве затерялось время?
Вернись же, смерть...³*

Полная бессмысленность мировой жизни («в пространстве затерялось время»!) становится невыносимой в условиях абсолютной человеческой разобщенности: воскрешение лирического героя совершается в полном одиночестве... Между тем, внутри безысходной фетовской Вселенной, из которой нет онтологического пути спасения, намечаются поэтические траектории упоительного самозабвения во внутренней гармонии летучих состояний. «Поэт, — согласно Фету, — есть сумасшедший и никуда не годный человек, лепечущий божественный вздор.»⁴ Поэзия для него — «толпа крылатых звуков», уподобляемых «мошкам на заре»... Тропы недолгого забвения мирового холода, «мрака жизни вседневной» («Измучен жизнью, коварством надежды...») — музыкальные пути души на фоне ледяной архитектуры «равнодушного» космоса. «Внутренний духовный мир, — писал о Фете В.Соловьев, — более реален и бесконечно более значителен для поэта, чем мир материального бытия.»⁵ Меж тем, один православный исследователь иначе охарактеризовал художественный дар Фета: «... «жрец чистого искусства», апологет эстетики, враждебный христианству язычник — поэт, эпикуреец... <...> ...воплощенная «прелесть».»⁶

Однако, нам представляется, что, как и в случае с Тютчевым, несмотря на казалось бы вполне *иррелигиозную* характерологическую доминанту Фета, такая однозначная оценка не соответствует многоплановой *неунифицируемой* экзистенциологии художественного мира Фета. Его лирический герой знает и иные метафизические алгоритмы взаимоотношений с тотальностью. Можно указать и на фетовское обращение к поиску гармонии *вне мира*: «Иоанн был совершенно прав, указывая на **Logos** Божий как на источник мира видимого — мира явлений и невидимого — силы. Иоаннов **Logos** вне мира и относится к нему творчески.»⁷ На примере ряда стихотворений мы можем сказать, что поэт приближался к пониманию мирового Бытия как божественного творческого фантазма, причем, с точки зрения Фета, вечного и нерушимого... Отсюда — отмеченная исследователями близость к пантеизму. Божественный творческий дух, «пламя», которое Фет именует «солнцем мира», позволяет поэту вырваться из «темного мрака жизни вседневной» уже не в текучую и зыбкую импрессионистическую ткань летучих настроений — но подняться в некую онтологически возвышенную реальность, — туда, где «сияют звезд золотые ресницы» («Измучен жизнью, коварством надежды...»). Однако божественная реальность понимается им, скорее, в монофизитском и пантеистическом, а не в богочеловеческом ключе; об этом, в частности, свидетельствует стихотворение «Среди звезд»:

*Пусть мчитесь вы, как я покорны мигу,
Рабы, как я, мне прирожденных числ,
Но лишь взгляну на огненную книгу,
Не численный я в ней читаю смысл.*

.....
*Незыблемой мечты иероглифы,
Вы говорите: «Вечность — мы, ты — миг.
Нам нет числа. Напрасно мыслью жадной
Ты думы вечной догоняешь тень;
Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный
К тебе просился беззакатный день. (1, 55)⁸
«Среди звезд», 1876 г.*

Можно даже указать на то, что Фет в своей рефлексии прямо подошел к христианской сотериологической проблеме, но решал ее, скорее, в «кушитском», как сказал бы Хомяков, безблагодатном опыте: «Путь христианского спасения, — пишет поэт, — есть путь смирения перед внешней необходимостью строгого закона, а не путь гордыни и протеста.»⁹

Между онтологическим нигилизмом и туманным монотеизмом в художественном мире Фета обозначен и третий путь — рефлектирующего агностицизма:

*Что ж я узнал? Пора узнать, что в мирозданье,
Куда ни обратись, — вопрос, а не ответ;
А я дышу, живу и понял, что в незнаньи
Одно прискорбное, но страшного в нем нет. (1, 58)
«Ничтожество», 1880 г.*

Но и этими смысловыми траекториями не исчерпывается поэтическая метафизика Фета: ее неоднородность не менее рельефна, чем у Тютчева. Почти одновременно с поэтической иллюстрацией бессмысленной неизбывности холодного и античеловеческого мирового Бытия («Никогда») лирический герой Фета, отвращаясь от агностицизма, восклицает в своем обращении к Богу:

*Нет, ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильнее и ярче всей вселенной. (1, 60)
«Не тем, Господь, могуч, непостижим...», 1879 г.*

Как и в случае с Тютчевым, здесь очевидны не только *метафизическая многосоставность*, неоднородность художественного мира и авторской экзистенциологии, но и яркий антиномизм. Конечно, Фет — не атеист, но его тео-онто-логия со всей очевидностью не орто-, а пара-доксальна, антитрадиционна и, вместе с тем, вполне отвечает романтическому сознанию. Лейтмотив бренности, тленности, недолговечности, онтологической необеспеченности всего человеческого и земного все же позволяют решить

проблему «человек и тотальность» на фетовском материале безо всякого сомнения *не в пользу человека...*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Баевский В.С. История русской поэзии: 1730 — 1980 гг.: Компендиум. Смоленск, 1994. С.164.

² Ср.: «...для того, в ком воля обратилась и отринула себя, этот наш столь реальный мир со всеми его солнцами и млечными путями — ничто.» См.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление//Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1992. Т.1. С.378.

³ Фет А. А. Стихотворения. М., 1983. С. 166.

⁴ Цит. по: Баевский В.С. Указ. соч. С.165.

⁵ Соловьев В.С. О лирической поэзии: По поводу последних стихотворений Фета и Полонского // Соловьев В.С. Смысл любви: Избр. произведения. М., 1991. С.91.

⁶ Андреев И.М. Русские писатели XIX века. М., 1999. С.499.

⁷ Цит. по: Северикова Н.М. Фет// Русская философия: Словарь Под общ. Ред. М.А.Маслина. М., 1995. С.538.

⁸ Здесь и далее фетовские поэтические тексты с указанием в скобках соответственно тома и страницы цит. по изданию: Фет А.А. Соч.: В 2 т. М., 1982.